

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

«Вот так я сделался собакой»

Владимир Владимирович Маяковский «Вот так я сделался собакой»

Серия «Стихи на обоях.
Серебряный век»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74186496

«Вот так я сделался собакой»:

ISBN 978-5-17-187278-6

Аннотация

Серебряный век – время турбулентности, эра смены стилей. Поэты словно подхватывают напряжение времени, времени революции, войны, катаклизмов. Они ломают привычные каноны, создавая свой собственный, неровный, искаженный мир поэзии, для которой больше нет законов письма или орфографии.

Владимир Маяковский и его инновационная поэзия – яркий пример футуризма, революции в поэзии, нового направления стихотворного жанра. Это стихи будущего, с ярко выраженным ритмом. Слова словно отчеканивают каждый шаг лирического героя, который проходит свой путь по страницам новых книжек.

Маяковский «рвет» стихи, ломает привычную форму, чтобы передать энергию нового времени. Это знаменитая ступенчатая запись стихов, которая диктовала особый, рваный ритм. Акцентный стих: в строках важно не количество слогов, а количество ударений.

Маяковский – поэт-трагедия, поэт-глашатай и поэт-лирик одновременно. За внешней грубостью скрывается раненое, огромное и очень одинокое сердце.

Оформление этой книги и всей серии «Стихи на обоях. Серебряный век» – omaggio изданию «Садок судей». В 1910 году в Петербурге поэты-футуристы напечатали тираж на обратной стороне обоев.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

«Дай хоть последней нежностью выстелить твой уходящий шаг»	6
По мостовой моей души изъезженной	16
А вы могли бы?	16
Ночь	17
Утро	18
Порт	20
Уличное	21
Из улицы в улицу	22
Вывескам	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Владимирович Маяковский «Вот так я сделался собакой»

© Щербак Н., сост., вступ. ст., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

«Дай хоть последней нежностью выстелить твой уходящий шаг»

«Эльзочка, – сказала Лиля сестре, – не делай такие страшные глаза. Просто я сказала Осе, что мое чувство к Володе проверено, прочно и что я ему теперь жена. И Ося согласен». Этот разговор произошел летом 1918 года на даче Бриков. Эльза Каган наведлась туда проститься со старшей сестрой перед отъездом в Европу. В саду она обнаружила Осипа Брика, его жену Лилю и Владимира Маяковского, сидевшего у ее ног – тихого, счастливого, совсем не похожего на себя. «Да, мы теперь решили навсегда поселиться втроем», – подтвердил Осип Брик. Бедная Эльза решила, что все происходящее – очередной футуристический эпатаж. Однако сильнее недоумения было острое чувство горечи: она все еще любила Маяковского.

Но она же и познакомила их. В июле 1915 года Эльза привела Маяковского к Брикам, которые жили на улице Жуковского (Санкт-Петербург). Лилия была очень хороша собой, соблазнительна, знала секреты обольщения, умела заинтересовать разговором, восхитительно одевалась. Если ей нравился мужчина и она хотела завести с ним роман – особого труда для нее это не составляло. Она была максималистка, и в достижении цели ничто не могло ее остановить. «Надо

внушить мужчине, что он замечательный или даже гениальный, но что другие этого дионовне. Тогда меня, думаю, оставили бы в покое». не понимают, – говорила она. – И разрешить ему то, что не разрешают ему дома. Например, курить или ездить, куда вздумается. Ну а остальное сделают хорошая обувь и шелковое десу¹». Забавно, но, по словам Василия Катаняна, издателя и биографа Маяковского, «поколение за поколением, от школьника до академика считают своим долгом всенародно решать – кого следовало любить Лиле Брик, а кого нет». Это и дало ей основание заметить как-то: «Конечно, Володе хорошо было бы жениться на нашей домработнице Аннушке, подобно тому, как вся Россия хотела, чтобы Пушкин женился на Арине Ро-

А Маяковский был влюбчив. По воспоминаниям Николая Асеева, поэта-футуриста, на которого сильное влияние оказал Маяковский, влюбляясь в женщин, он «обнимал пустых и чопорных, тоненьких и длинноногих дур». Василий Катанян, однако, категорически не согласен с подобной интерпретацией, считая, что дамы сердца Маяковского были вовсе не такие, просто «Лиля Брик так и оставалась женщиной всей его жизни». Маяковский влюбился в нее с первого взгляда. По ее воспоминаниям: «Это было нападение. Володя не просто влюбился в меня, он напал на меня. Два с половиной года не было у меня спокойной минуты – буквально. Любовь его была безмерна. Но я ему сопротивлялась

¹ Dessous – женское белье (фр.).

– меня пугала его напористость, рост, его громада, неумная, необузданная страсть». В первый же вечер, прочитав ей «Облако в штанах», Маяковский попросил разрешения посвятить ей поэму и с того дня посвящал ей каждую строчку всю свою жизнь (за исключением поэмы «Владимир Ильич Ленин», конечно). Позже он назвал день их знакомства «радостнейшей датой». Любовь Маяковского и Лили Брик не раз подвергалась серьезным испытаниям. В годы, когда революция ломала прежнее искусство, пересматривала все на свете вообще – казалось, что и человеческие взаимоотношения должны найти новую форму. В 1922 году в их отношениях наступил кризис, и причин к тому было множество. Решили расстаться на два месяца, не видеться. Лили была убеждена – чтобы творить, нужно испытывать мучения, лишения; благополучие губит художника. 6 февраля 1923 года она писала сестре Эльзе в Париж: «Мне в такой степени опостытели Володины: халтура, карты и пр. и пр., что я попросила его два месяца не бывать у нас и обдумать, как он дошел до жизни такой. Если он увидит, что овчинка стоит выделки, то через два месяца я опять приму его. Если же нет – нет, Бог с ним! Прошло уже два месяца: он днем и ночью ходит под моими окнами, нигде не бывает и написал лирическую поэму в 1300 строк!» Очевидно, что Маяковский пошел на эксперимент, результатом чего явилась поэма «Про это».

Впрочем, у Маяковского были романы и с другими женщинами – с Натальей Брюханенко, с Татьяной Яковлевой,

с Вероникой Полонской. Были увлечения и у Брик. Но они условились – когда их любовь охладает, они скажут об этом друг другу. И вот в 1925 году Лиля написала Маяковскому, что не испытывает к нему прежних чувств: «Мне кажется, что и ты уже любишь меня много меньше и очень мучиться не будешь». Увы, это Брик только так показалось. Он продолжал любить ее, может быть, не так бешено, но продолжал. Брик была натура очень решительная, поэтому настаивать он не смел, иначе это привело бы к полному разрыву. Время шло, но боль не проходила:

Я знаю, век уж мой измерен,
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я ².

С 1926 по 1930 год Маяковский и Брики жили втроем в квартире в Гендриковом переулке (Москва). Они никогда не расставались и выглядели близкими друзьями, тесно связанными общими интересами, вкусами, делами и бытом. Наталья Брюханенко, одна из возлюбленных Маяковского, впоследствии рассказывала, что однажды была свидетелем того, как в столовую, где сидел Маяковский, вошла Брик.

² А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Глава восьмая. Письмо Онегина к Татьяне. Маяковский приводит эти строки в своем «Юбилейном»: я люблю вас, будьте обязательно моя, я сейчас же утром должен быть уверен, что с вами днем увижусь я.

– Володя, дай мне денег на варенье, – сказала она.

– Сколько?

– Двести рублей.

– Пожалуйста.

Он вынул из кармана деньги и положил перед ней. Сумма в двести рублей на варенье – в те времена – была равна нескольким студенческим стипендиям! Правда, варенье предназначалось на весь год: ведь в доме Бриков бывало так много гостей!

Власть, авторитет и влияние Лили Брик были настолько велики, что даже своим возлюбленным Маяковский докладывал, что именно Лиля сказала по поводу его страданий, как ходила с ним покупать ей костюм и как консультировала насчет цвета «Рено», который он вез ей в подарок. История с автомобилем знаменательна. Лиля загорелась этой идеей, ведь она любила все новое, модное. «Это будет очень современно», – написала она в дневнике. А Маяковский так хотел ее порадовать, что был готов исполнить любой каприз. Они долго обсуждали марку машины, копили деньги. Брик научилась вождению, успешно сдала экзамены и получила права. Самой дешевой маркой машины в то время была «Рено». «Про машину не забудь, – писала Лиля в Париж Маяковскому в 1928 году. – 1) Предохранители спереди и сзади, 2) добавочный прожектор сбоку, 3) электрическую прочищалку для переднего стекла, 4) фонарик сзади с надписью „стоп“, 5) обязательно стрелки электрические, показываю-

щие, куда поворачивает машина, 6) теплую попонку, чтобы не замерзала вода, 7) на забудь про два добавочных колеса сзади. Про часы с недельным заводом...» Маяковский сначала отвечал, что с гонорами плохо, но машину все-таки купил. Это был четырехместный красавец, снизу светло-серый, а верхняя часть и крылья – черные. Брик пишет: «Я, кажется, была единственной москвичкой за рулем, кроме меня управляла машиной только жена французского посла!»

Брик редко ревновала Маяковского. Соня Шамардина была очень красивая девочка, белокурая, с зелено-голубыми, миндалевидными глазами. Но за ангельской внешностью скрывался бешенный темперамент и неутолимая жажда жизни. Северянин был в нее влюблен без памяти. Чуковский тоже за ней ухаживал. Он и познакомил ее с Маяковским в 1913 году, на одном из вечеров футуристов. «Возвращались однажды с какого-то концерта-вечера, – вспоминала она много лет спустя. – Небо было хмурое. Только изредка вдруг блеснет звезда. И тут же стало слагаться стихотворение: „Послушайте! Ведь, если звезды зажигают – значит, это кому-нибудь нужно?..“ – держал мою руку в своем кармане и наговаривал о звездах». Шамардина стала одной из героинь «Облака в штанах» (вторая – одесская художница Мария Денисова, еще одна возлюбленная Маяковского, правда, не ответившая ему взаимностью, под впечатлением чего зимой 1914 года он и написал поэму). Впрочем, «Облако в штанах» посвятили уже Лиле Брик, а бывшая гимназистка

Софья Шамардина вышла замуж за большевика, потом сама стала партийным работником, уже после смерти поэта отсидела 17 лет в лагерях и закончила свою жизнь в доме для старых большевиков в Переделкино. Брик до конца своих дней поддерживала с ней хорошие отношения и часто пересылала в Переделкино конфеты, книги и лекарства.

Роковой женщиной в жизни Маяковского считается Вероника Полонская. На нее обратила внимание сама Лиля Брик. Именно она в 1929 году пригласила начинающую актрису МХАТа играть в фильме «Стеклянный глаз», который Осип Брик снимал вместе с режиссером Жемчужным. Отцом Полонской, кстати, был знаменитый король экрана Витольд Полонский, партнер Веры Холодной. От отца актриса унаследовала ослепительную красоту. Роман протекал бурно. Она была замужем, и Маяковский упорно добивался, чтобы она оставила мужа. Воспоминания Полонской были долгое время запрещены, но бледнеть...» затем опубликованы. Вероника Витольдовна – свидетель последней минуты жизни поэта. Их объяснение на квартире Маяковского было тяжелым, но перед уходом Полонской Маяковский поцеловал ее, ласково успокоил и пообещал позвонить в пять часов. Она только вышла и сразу же услышала выстрел. Полонская закричала, заметалась по коридору не в силах заставить себя вернуться. Когда же она все-таки вбежала в комнату, там еще стояло облачко дыма от выстрела. «Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. Глаза у него были откры-

ты, он смотрел прямо вперед на меня и все силился поднять голову. Казалось, он хотел что-то сказать, но глаза были уже неживые. Потом голова упала, и он стал постепенно

И Брик, и Полонская потом еще долго-долго жили. На протяжении многих лет они встречались, даже симпатизировали друг другу. Брик даже однажды сказала: «Как ужасно поступил Володя по отношению к Норе! Он искалечил ей жизнь, упомянув о ней в предсмертной записке. Ее на следующий день напечатали в газете, все узнали об их романе, муж бросил ее. Уверена, что Володя сделал это не со зла, он хотел обеспечить ее, но объективно – Нора же осталась одна!..» В свою очередь Полонская, узнав о смерти Брик, написала: «Я всегда очень любила Лиличку и глубоко ее уважала...»

Лучшие стихотворения Владимира Маяковского – о любви и посвящены Лиле Брик. Потрясающая по силе лирика:

Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить

твой уходящий шаг.

Серебряный век – время турбулентности, эра смены стилей. Поэты словно подхватывают напряжение времени, времени революции, войны, катаклизмов. Они ломают привычные каноны, создавая свой собственный, неровный, искаженный мир поэзии, для которой больше нет законов письма или орфографии.

Владимир Маяковский и его инновационная поэзия – яркий пример футуризма, революции в поэзии, нового направления стихотворного жанра. Это стихи будущего, с ярко-выраженным ритмом. Слова словно отчеканивают каждый шаг лирического героя, который проходит свой путь по страницам новых книжек. Футуризм Хлебникова – отсутствие падежей, новые огласовки, зеркальные отражения. Футуризм Маяковского – абстракция в поэзии, для которой символ превращается в единицу максимально абстрагированную, абстрактную, схематичную.

Современные критики психоаналитического направления иногда пишут о том, что в поэзии Маяковского реализуется мазохизм или садизм. Подобный суровый приговор психологическому облику лирического героя Маяковского – не дань моде, это часто правдивая констатация того тяжелейшего состояния, которое настигает певца любви, которое проявляется в постоянном желании разрушения старого мира, в попытке создать новый эквивалент этого мира.

Тем не менее поэзия Маяковского сочетается с самым ярким искусством того времени. Эльза Триоле, сестра Лилии Брик, – жена Луи Арагона, известного французского писателя того времени, который пишет роман о Матиссе. Друг Анри Матисса Луи Арагон рассказывает о своей дружбе с художником, исследуя его творчество. Подобная связь между художниками, музыкантами, литераторами и поэтами характерна для той эпохи, у которой не было границ ни в отношении жанра, ни в отношении любви, ни в отношении стиля жизни, ни в отношении творчества. Это яркое время завершения этапа трагедии, начало новой жизни, которая находится в состоянии постоянного разрушения и становления.

Маяковский, певец революции, часто бывает за границей, его знаменитое «Я хотел бы жить и умереть в Париже, / Если б не было такой земли – Москва» – тому яркое подтверждение. Это русский писатель по своей стихийности, силе, максимализму, романтическому отношению к жизни.

Нина Щербак

По мостовой моей души изъезженной 1912–1915

А вы могли бы?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

1913

Ночь

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.

Бульварам и площади было не странно
увидеть на зданиях синие тоги.
И раньше бегущим, как желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.

Толпа – пестрошерстая быстрая кошка —
плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотел протащить хоть немножко
громаду из смеха отлитого кома.

Я, чувствуя платья зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул; пугая
ударами в жечь, хохотали арапы,
над лбом расцветивши крыло попугая.

1912

Утро

Угрюмый дождь скосил глаза.

А за

решеткой

четкой

железной мысли проводов —

перина.

И на

нее

встающих звезд

легко оперлись ноги.

Но ги —

бель фонарей,

царей

в короне газа,

для глаза

сделала больней

враждующий букет бульварных проституток.

И жуток

шуток.

клюющий смех —

из желтых

ядовитых роз

возрос

зигзагом.

За гам

и жуть
взглянуть
отрадно глазу:
раба
крестов
страдающе-спокойно-безразличных,
гроба
домов
публичных
восток бросал в одну пылающую вазу.

1912

Порт

Простыни вод под брюхом были.
Их рвал на волны белый зуб.
Был вой трубы – как будто лили
любовь и похоть медью труб.
Прижались лодки в люльках входов
к сосцам железных матерей.
В ушах оглохших пароходов
горели серьги якорей.

1912

Уличное

В шатрах, истертых ликом цвель где,
из ран лотков сочилась клюква,
а сквозь меня на лунном сельде
скакала крашенная буква.

Вбиваю гулко шага сваи,
бросаю в бубны улиц дробь я.
Ходьбой усталые трамваи
скрестили блещущие копыя.

Подняв рукой единый глаз,
кривая площадь кралась близко.
Смотрело небо в белый газ
лицом безглазым василиска.

1913

Из улицы в улицу

У —

лица.

Лица

у

догов

годов

рез —

че.

Че —

рез

железных коней

с окон бегущих домов

прыгнули первые кубы.

Лебеди шей колокольных,

гнитесь в силках проводов!

В небе жирафий рисунок готов

выпестрить ржавые чубы.

Пестр, как форель,

сын

безузорной пашни.

Фокусник

рельсы

тянет из пасти трамвая,

скрыт циферблатами башни.

Мы завоеваны!

Ванны.

Души.

Лифт.

Лиф души расстегнули,

Тело жгут руки.

Кричи, не кричи:

«Я не хотела!» —

резок

жгут

муки.

Ветер колючий

трубе

вырывает

дымчатой шерсти клок.

Лысый фонарь

сладоострастно снимает

с улицы

черный чулок.

1913

Вывескам

Читайте железные книги!
Под флейту золоченой буквы
полезут копченые сиги

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.